
МУРЗИЛКА
№ 2
Журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ДЛЯ ОКТЯБРЯТ
ФЕВРАЛЬ
1961



Н. НАДЕЖДИНА
Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

МИШКА-АДЪЮТАНТ

В лесу был чужой. Он не знал партизанских троп и, дойдя до сухого дерева, свернул не вправо, а влево. Следы были крупные, но шагал этот неведомый человек не по росту мелко. Всё это было странно и тревожно. Егоров снял с плеча автомат и направился по следу.

След привёл его к молодой лохматой ёлочке. Она словно присела на корточки, столько снега намело ей под самые лапы. Что-то тёмное шевельнулось за её стволом.

— Стой! — крикнул Егоров, но человек, которого он хотел задержать, уже рванулся к нему навстречу.

Это был мальчик лет двенадцати. Огромные пегие валенки болтались на его тонких ногах. Если б не эти валенки, он бросился бы к Егорову бегом.

— Дядя, вы партизан? — задыхаясь, спросил мальчик. — Вы до штаба меня проводите? Я тоже в партизаны хочу.

— Пусть мамка на печку тебя проводит. Вертайся, откуда пришёл. И больше мне в лесу не следи.

Из-под заиндевевших ресниц мальчик с упрёком взглянул на Егорова.

— Вертайся, кому говорю!

Переждав, пока маленькая понурая фигурка скрылась из виду, Егоров вернулся на прежнюю тропу. Но на душе у него было скверно. Всё вспоминались белые ресницы и руки без варежек, корявые от стужи. Ведь глупый ещё — заблудится, замёрзнет... Нет, надо его догнать!

Но не успел Егоров дойти до сухого дерева, как услышал: поскрипывает снег. Снег скрипел под теми же пегими валенками. Решив, что сердитый дядя уже далеко, мальчик, пригнувшись, шёл по его следу. Концы его расстёгнутой ушанки подрагивали, как уши обнюхивающего дорогу щенка.

Увидев Егорова, он замер. Щенячьи уши обвисли.

— Да ты следопыт! — с усмешкой сказал Егоров. Ему было и смешно и досадно. И в то же время он чувствовал невольное уважение к мальчишке, который его перехитрил. — Так куда ж ты нацелился? В штаб?

Весь съёжившись, мальчик молчал.

— Ладно, сведу тебя в штаб. Пусть разбираются сами.

— Подойди поближе, герой! — сказал командир бригады.

Гремя обледеневшими валенками, мальчик вышел на середину избы.

— Валенки у тебя знаменитые! А как тебя звать?

— Мишка.



— Так вот, Миша. Ты не обижайся, но какой из тебя партизан! У нас бригада, а не детский сад.

— А я к вам и не прошусь! Меня дед примет. Он, может, сам начальник: Хохлов Пётр Сергеевич, — не слышали?

Мужчины, сидевшие на лавке, переглянулись. Все они знали старого партизана Хохлова, погибшего в бою.

— А мать у тебя есть? — помолчав, спросил командир.

— Не знаю. Год восемь месяцев её не видал.

Отогревшись, Мишка стал разговорчивее. Рассказал, что после смерти отца он с матерью жил в городе. На лето мать отправила его в деревню к деду с бабушкой. А тут началась война.

— И ты бросил свою старую бабушку? Ты от неё сбежал?

— Не-е... — хрипло сказал мальчик и сощурился, словно ему привиделось что-то страшное и он боялся на это смотреть. — Её в сарае каратели спалили. Они всех загнали в сарай, кто партизанская семья. И меня бы тоже спалили. Только меня не было. Я за солью ходил.

Мальчик совсем закрыл глаза. В избе стало тихо-тихо. Командир подошёл к Мишке, неловко погладил его по голове.

— Есть хочешь? Раз пришёл к партизанам в гости — накормим! И переспишь тут на лавке. На, подстели полушубок.

Посреди ночи Мишка проснулся и рывком спрыгнул на пол. Лампа освещала лицо командира, склонившегося над картой. Мишка покосился на него и стал свирепо шарить под лавкой.

— Ты что там ищешь?

— Отдайте мои валенки. Я к деду пойду.

— Дед далеко, а валенки сушатся. Знаешь, мы передумали. Оставайся у нас. Будешь моим адъютантом. Это тебе подходит?

— Подходит! — подумав, сказал Мишка и впервые за всё время улыбнулся.

Бойцы называли его то «адъютант», то «Хохолок». Его знали во многих деревнях партизанского края, где стояли отряды. Выполняя поручения командира, Мишка скакал на лошади то в один, то в другой отряд. Правда, ездить верхом он научился не сразу. Первое время лошадь сбрасывала Мишку, и, потирая ушибленную коленку, он возвращался в деревню пешком.

— Эй, Хохолок! Опять со своим рысаком разминулся? — подшучивали над Мишкой бойцы.

Шутили они беззлобно. Бойцы любили Мишку, и он их любил. Но больше всех Мишка любил командира.

Если командир работал ночью, и адъютанту тоже не спалось. Он ёрзал на своей лавке, тяжело вздыхал.

— Миша, надо спать, а то не вырастешь. Во сне люди растут.

— Так вы же сами не спите!
— Я уже вырос, и у меня дела...
Но, занятый боевыми делами, командир не забывал и про мальчика. Он навёл справки о матери Мишки. Выяснилось, что она жива и находится в том же городе.
В этот вечер отдыхавшие возле избы бойцы услышали в кустах песенку. Её пел тонкий детский голос.
— Чудеса! — сказал молодой разведчик Митя. — Слышите: адъютант поёт! А мы-то думали, что он безголосый...
— Небось и ты бы запел, — заметил Егоров. — Мать у него отыскалась, потому и поёт. И до чего ж тонко! Чисто дрозд!
Не забыл командир и о том, что мальчик уже давно не учится. При немцах Мишка в школу не ходил, резонно рассуждая:
— А чему там было учиться? Тоже мне наука: божий закон! Разве может бог издавать законы, когда самого бога нет?
По просьбе командира разведчики раздобыли потрёпанный учебник арифметики. Он был торжественно вручён Мишке.
— Попробуй решать задачки в свободное время. Ну, что ты скис, словно лягушку проглотил?
— Николай Иванович, да кто ж этому учится летом, да ещё в войну?!. Я лучше хочу учиться стрелять.
— А когда война кончится, кем ты хочешь быть?
— Как вы. Опять же военным.
— Кто слаб в математике, того в военное училище не примут.
Мишка, насупясь, взял учебник, но потом приохотился. Однажды он заявил командиру, что самостоятельно решил две задачи.
— Ну, и молодец!
Мишка покраснел от радости.
— Николай Иванович, а если я ещё две решу, вы мне позволите из карабина стрельнуть?

Впрочем, Мишка брал карабин и без разрешения. Однажды, упражняясь в стрельбе, он застрелил на деревне курицу, и её хозяйка пришла жаловаться в штаб.
— Хохлов, это твой трофей? Это ты с курами воюешь?
— Я только попрактиковаться хотел. А эта самая курица...
— Вот за эту самую курицу и сядешь на сутки под арест.
Провинившегося сажали под арест в баню. На этот раз часовым у бани стоял Егоров. Увидав арестанта, он очень огорчился.
— Что ж это ты, Хохолок? Такой хитрый — и вдруг сплоховал!
— Ничего, я там позанимаюсь, — бодро ответил Мишка. — Мне разрешили взять задачник с собой.
Сперва Егоров слышал за стеной Мишкин голос: «Один поезд вышел со станции со скоростью...» — но потом всё стихло.
«Уморился адъютант от наук, уснул, — подумал Егоров, — ведь ещё дитё».
И вдруг возле бани появился командир.
— Часовой! Где арестант?
— Сидит, как положено, товарищ командир бригады.
Открыли дверь. В бане было пусто. Коман-

Рис. В. ЧИЖИКОВА

МУРЗИЛКИНА НАХОДКА



Вы знаете, куда я иду? Я иду искать художника, который забыл в редакции эту папку с картинками. С какими картинками? Сейчас покажу.



СЕВ

дир хмуро взглянул на оторопевшего Егорова и, выйдя на крыльцо, три раза хлопнул в ладоши. Из травы высунулась вихрастая голова.

— Дядя Егоров! — звонко крикнул мальчик. — Вот он я!

Только Мишка благодаря своей худобе и ловкости мог пролезть в окно бани, узкое, как щель. Затем он явился в штаб и доложил о своём побеге.

— Часовой! Передайте оружие Хохлову, — сказал командир. — Теперь вы сядете под арест, а он будет вас сторожить.

— Чертёнок! — вздохнул Егоров, передавая Мишке винтовку. — Опять он меня перехитрил!

Вскоре Мишка узнал, что получено задание взорвать Симкин мост. На боевую операцию шли всей бригадой. Это была помощь партизан наступающей Советской Армии.

— Учтите, — сказал Мишка, — в штабе я не останусь, сбегу.

И пришлось командиру взять мальчика.

План был таков: одна группа навяжет бой засевшему в деревне немецкому гарнизону; другая группа в это время прорвётся к мосту. Между мостом и деревней тянулось болото. Здесь в кустиках залегла партизанская засада.

Справа от командира лежал Мишка. Прислушиваясь к выстрелам, он нетерпеливо спрашивал:

— Николай Иванович, нам ещё не пора?

Красная в чёрных точечках божья коровка ползла по траве. «Дурёха, — подумал Мишка. — Не понимаешь, что здесь война. Побегут в атаку и тебя затопчут». Он поймал жука, пересадил на соседний куст и успел вернуться на своё место вовремя.

Часть разбитого гарнизона вырвалась из деревни и огородами спускалась в низину. Немцы были уже близко.

— Огонь! — скомандовал командир.

Мишка вскочил на ноги и выпалил из карабина.

— Лёжа стрелять! — крикнул командир.

— А мне неудобно лёжа! — огрызнулся Мишка, нехотя опускаясь на землю. Лицо его побледнело, а глаза злобно блестели. — Это я за бабку фашистам вдарил, а теперь мне надо ещё за деда.

Немцы изо всех сил бежали по направлению к мосту.

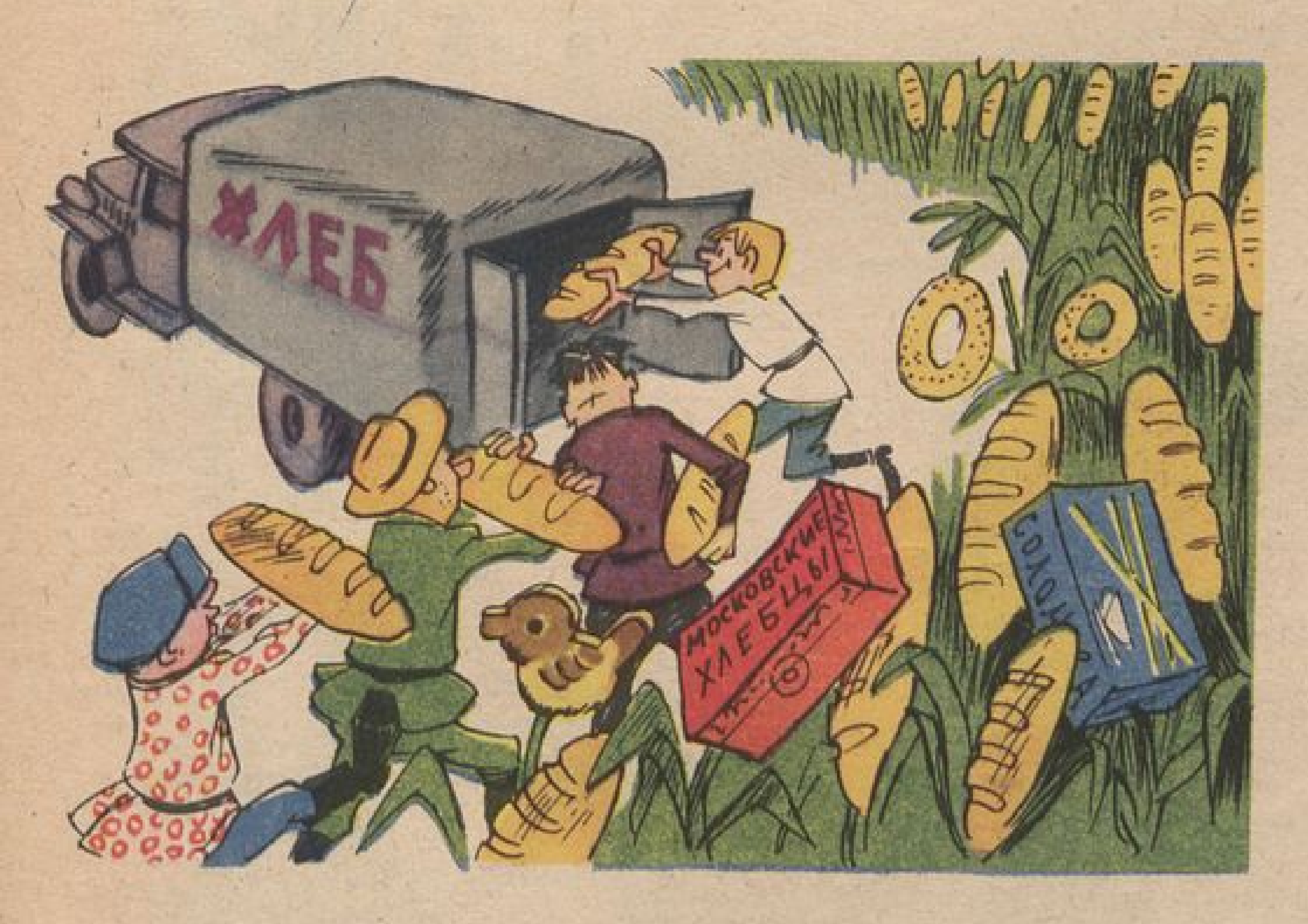
— Отрезать им дорогу! — приказал командир.

Но не успел он скомандовать «вперед», как Мишка с криком «ура» выскочил из кустов. «Ура!..» — подхватили партизаны, бросаясь в атаку.

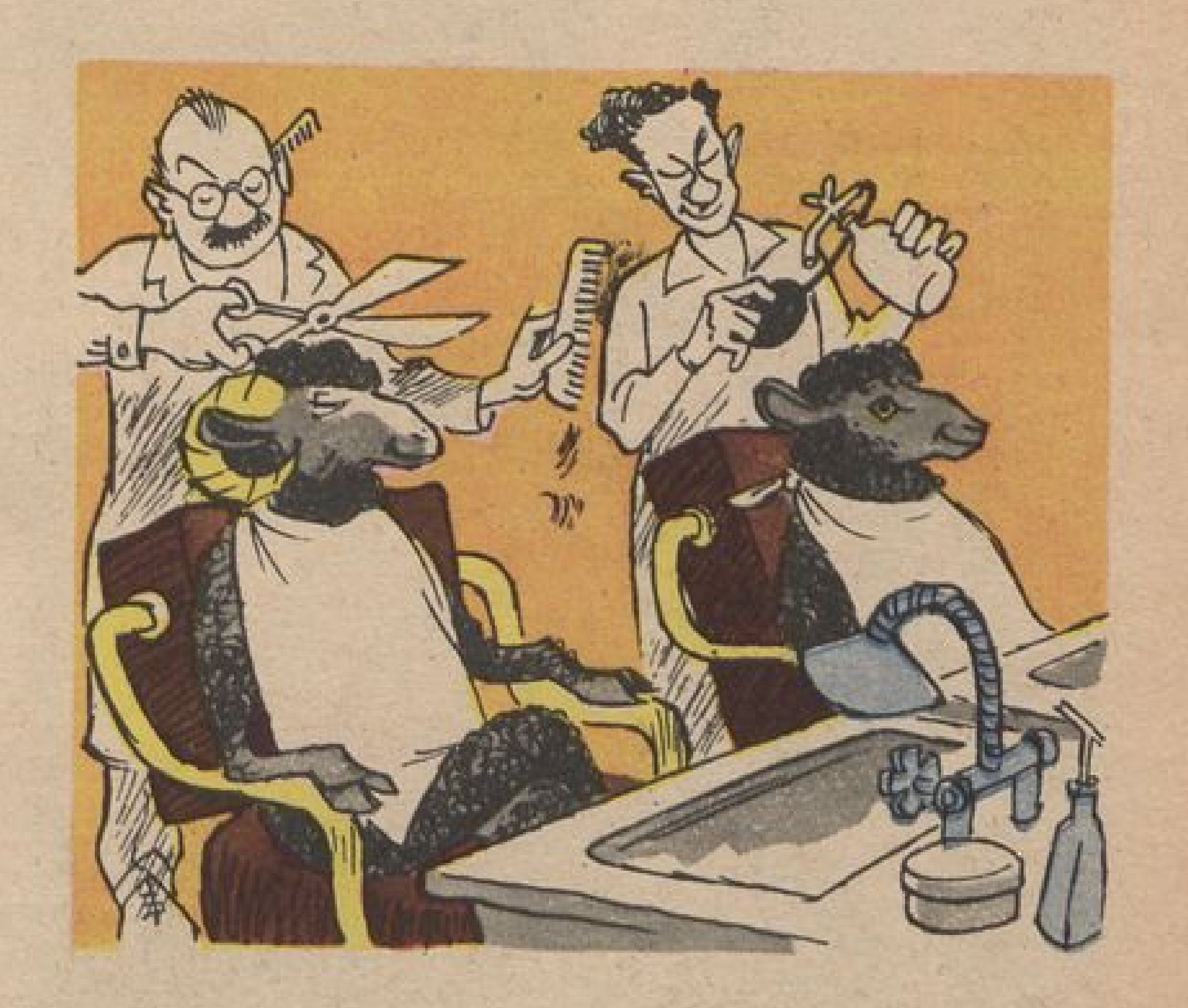
Мишка летел, как на крыльях. И вдруг он с ужасом заметил, что один из немцев остановился и прицелился в командира. Мальчик отчаянно взвизгнул и рванулся влево, чтобы закрыть командира собой.

Что-то ожгло ему плечо, и Мишка упал лицом в болотную кочку. Но он ещё успел расслышать грозный гул. Это взлетел на воздух взорванный партизанами мост.

Когда Мишкина рана зажила, была уже осень. Осень принесла мальчику радостное известие: его родной город был освобождён. Туда



УБОРКА УРОЖАЯ



СТРИЖКА ОВЕЦ

Смотри страницу 8

направлялся с заданием Егоров, и командир поручил ему взять с собой Мишку.

— А я зачем? В отпуск, что ли? — спросил мальчик.

— Как это зачем? Разве тебе не хочется повидать свою маму?

В это осеннее утро Мишка сидел в штабе один. Командир ещё с вечера поехал по отрядам. Глядя на росшую за окном сосну, Мишка думал о матери. Она тоже такая на вид хмурая, а на самом деле ласковая. Как она удивится, когда раскроется дверь и...

Дверь распахнулась. В штаб вошёл Егоров.

— Ну, ты готов? Часика через два отправимся.

— Как, уже? — ужаснулся Мишка. — Я даже с командиром не попрощаюсь?

— Другой раз попрощаешься. Надо ночью сквозь немецкую зону пройти.

И вот они снова шли вдвоём по лесу. Но теперь в лесу пахло не снегом, а грибами и палым листом. Мишка сшибал на ходу ломкие шляпки мухоморов. Вдруг он резко остановился.

— Дядя Егоров, я же не знаю, докуда у меня отпуск!

— Зато я знаю. Останешься у матери насовсем.

— Неправда! — крикнул Мишка и потом задумался. Теперь он уже не сшибал мухоморы, а, прихрамывая, плёлся позади.

— Почему отстаёшь? Опять задумал сбежать?

— Чего вы пристаёте? Я жилу растянул.

Мишка хромал всё сильней и сильней. Только б ему поравняться вон с тем кустом и — до свидания, дядя Егоров! Но ветки куста раздвинулись, и на поляну вышел командир.

— Фу!.. Хорошо, что пошёл напрямик, а то бы вас не догнать. Почему, Егоров, вы так поторопились?

— Наверно, вы приказали, — криво усмехнулся Мишка. — Хотели скорей отделаться от меня.

— Вот и не угадал. Я другое хочу: чтоб ты был жив, здоров и снова начал учиться. А за службу твою спасибо.

Мальчик вспыхнул до самых корней волос.

— И, пожалуйста, нос кверху. А то я сам зареву. Думаешь, мне легко расставаться со своим адъютантом?

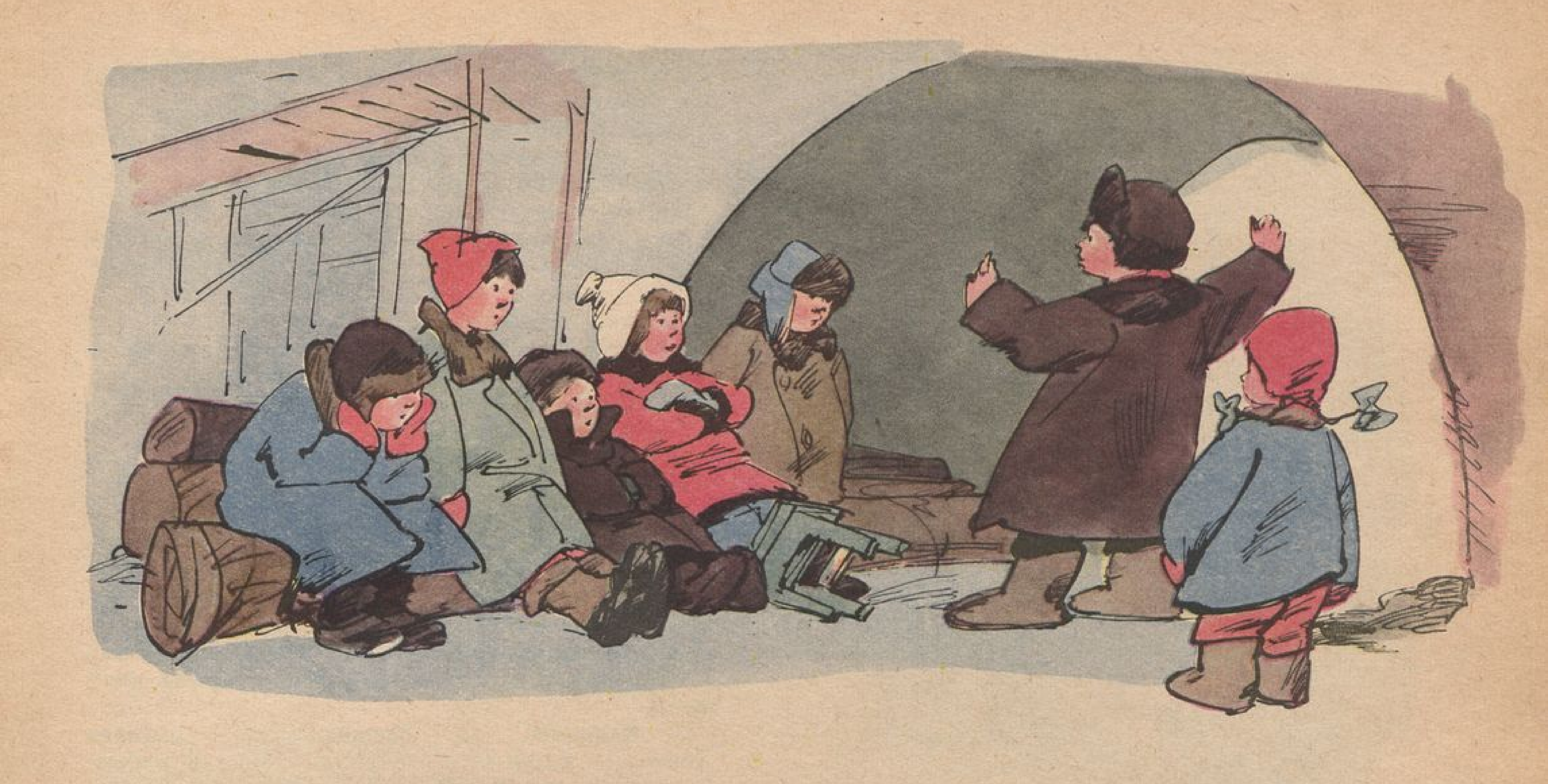
— Рассказывайте! — сквозь слёзы пробормотал Мишка. — Небось сразу забудете, а чтоб в гости приехать, так уж никогда!

— Приеду в гости. Обязательно приеду! Как только кончится война. Договорились? Всё.

Но мальчик не трогался с места, и командир понял, чего ждёт Мишка. Он нагнулся, и две цепкие шершавые руки стремительно обвились вокруг его шеи.

А потом Мишка, всё ещё всхлипывая, оторвался от командира и, отступив на два шага, отдал по-военному честь. И командир отдал ему честь и держал руку у козырька до тех пор, пока мальчик и его провожатый не скрылись в чаще осеннего леса.





ОБЩЕЕ ДЕЛО

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

Был ясный морозный день, но солнце светило уже по-весеннему.

Дворник Сергей Нилыч вышел из подвала с озабоченным лицом и оглянулся вокруг. По двору в распахнутом пальто, с развевающимся на ветру пионерским галстуком бежал Санька и ногой гнал ледышку, воображая, что ведёт мяч к воротам противника.

Сергей Нилыч подозвал его к себе, и у них состоялся серьёзный разговор.

Санька во весь дух помчался в первый подъезд. Он даже лифтом не воспользовался, такое у него было спешное дело. На пятом этаже у двери квартиры пятнадцать нажал на кнопку звонка: три коротких, три длинных, три коротких — сигнал бедствия. Дверь открыла Зойка.

— Свистать наверх, — произнёс Санька придуманный им самим пароль, означающий, что октябрятская звёздочка без промедления должна собраться на брёвнах под воротами.

Через полминуты Зойка в шубе, валенках уже звонила три коротких, три длинных, три коротких в квартиру, где жила Оля, и произнесла тот же пароль.

Оля оделась, взяла маленькую скамеечку, поднялась на седьмой этаж. Поставила перед дверью скамеечку, встала на неё, дотянулась до звонка: три коротких, три длинных, три коротких.

— Что это за трезвон? — сердито спросила Петина бабушка, открывая дверь.

Из-за её спины выглядывал Петя.

— Свистать наверх, — смущённо прошептала Оля, забрала скамеечку и пошла вниз.

Бабушка пожала плечами: она не любила озорства.

Через несколько минут вся звёздочка, где вожатым был Санька, собралась на брёвнах под воротами.

— Ребята, важное задание. Но кто уроки не приготовил, может идти домой: тому задания не будет.

— Все приготовили, — ответили дружно октябрята.

— Случилась авария с водопроводом, — продолжал Санька. — Через полчаса во всём доме будет закрыта вода. Звёздочке даётся важное задание. В течение двадцати восьми ми-



нут, — Санька посмотрел на то место на руке, где у него будут часы, когда он закончит восьмилетку, — надо обойти все квартиры и предупредить жильцов, чтобы запаслись водой. Воду дадут только завтра утром. Ходить быстро, говорить коротко и серьёзно, чтобы люди вас поняли и вам поверили.

— Побегу скорей домой, предупрежу мать, — сказал Колька и кинулся было к своему подъезду, но Санька задержал его.

— Свою квартиру предупреждать в последнюю очередь, сначала общее дело. Такой порядок у октябрят.

Колька смущённо остановился.

— Октябрят в звёздочке семь, а подъездов восемь, как же быть? — спросила Оля.

— А вы забыли, что есть восьмой, то есть я, — ответил Санька.

Оля забрала свою скамеечку и отправилась в первый подъезд. Зойка — во второй.

Зойка добралась до четвёртого этажа. В квартире тридцать два никто не открывал, хотя она звонила изо всех сил. «Наверно, все на работе, — решила Зойка. — А как же? Придут домой — воды нет. Ни помыться, ни чаю попить». Зойка немного подумала и затем позвонила в квартиру тридцать один. Дверь открыла женщина.

— Извините за беспокойство, — сказала Зойка, — я вам уже говорила, чтобы вы набрали воды, а вот ваших соседей нет дома. Можете ли вы набрать для них лишнюю воду?

— Хорошо, девочка, обязательно наберём, — улыбнулась женщина.

Зойка быстро справилась с остальными квартирами и помчалась домой.

— Что случилось? — спросила мама, когда Зойка, запыхавшись, влетела в квартиру.

— Спешное общее дело, — Зойка вынула из стола листок бумаги по двум косым, села и принялась выводить аккуратные буквы. Взяла



СТАДО



РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

в коробочке кнопку с колючкой и на ходу крикнула:

— Мама, запасись водой, до завтра не будет! — и убежала.

На дверях квартиры тридцать два приколола записку:

«ВАМ НАБРАЛИ ВОДУ САСЕДИ.
ВАЗМИТЕ ПОЖАЛУСТА.

Октябрята»

По лестнице спускался взрослый мальчик из 8-го класса. Он глянул на записку.

— Эх, ты! — сказал он, посмотрев насмешливо на Зойку. — Грамматики не знает, а ещё записки пишет...

Он вынул из кармана самопишущую ручку, подошёл к двери и поправил ошибки.

«ВАМ НАБРАЛИ ВОДУ СОСЕДИ.
ВОЗЬМИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

Октябрята»

— Пять ошибок, — сказал он.

Зойка вздохнула от досады.

— Выходит, я на двойку написала?

— А ты в каком классе?

— Скоро перейду во второй, — сказала Зойка.

— Тогда простительно, — гордо сказал мальчик и побежал во двор играть в хоккей.

К брёвнам под воротами собрались октябрята. Последней со своей скамеечкой приплелась Оля.

Подошёл Сергей Нилыч.

— Ну как, ребята? — спросил он.



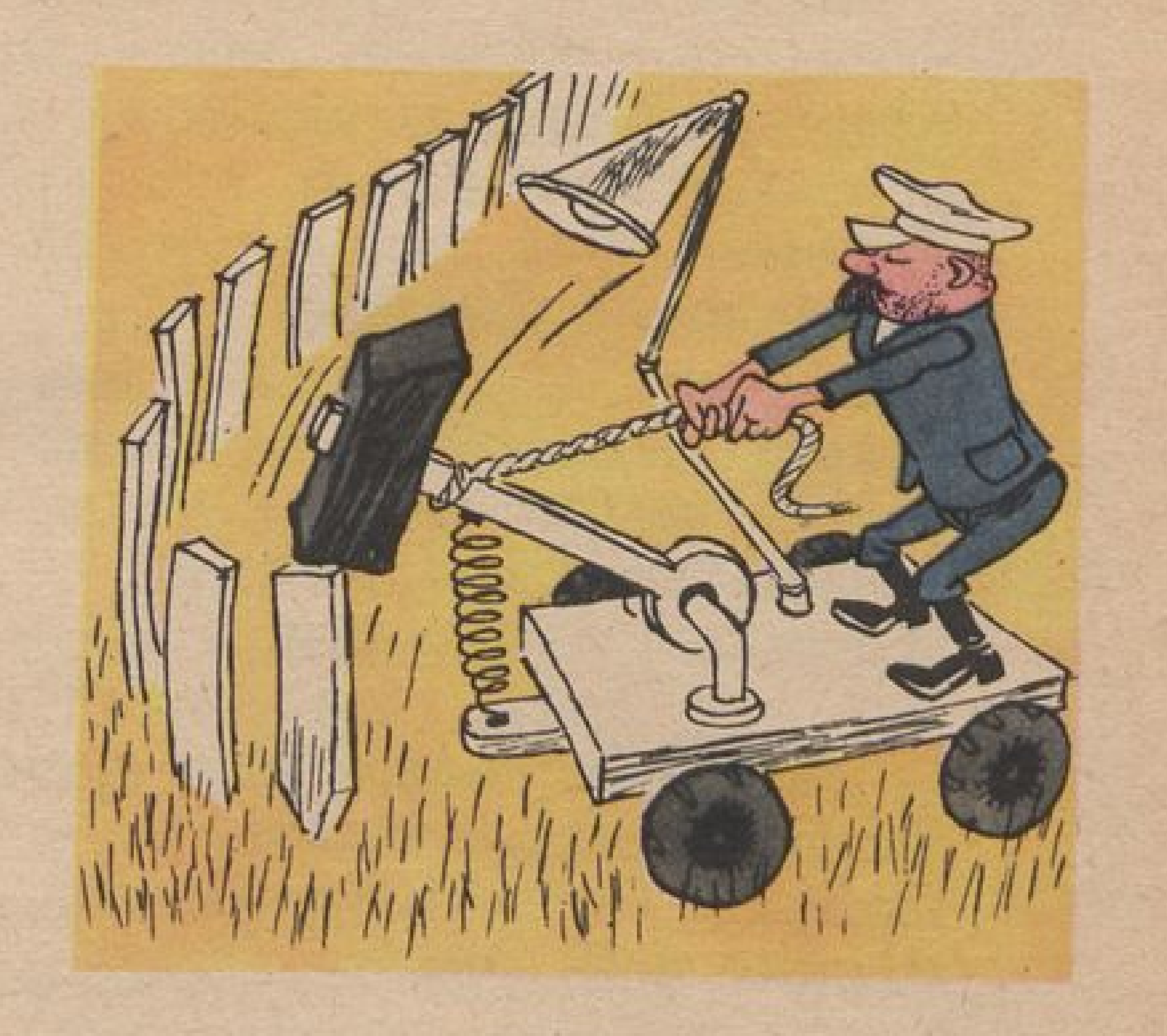
— Все жильцы предупреждены, — отрапортовал Санька.

— Вот спасибо, вот спасибо! Что бы я делал без вас?

Дворник пошёл в подвал выключать воду.



В НОЧНОМ



МОЛОТИЛКА

Смотри страницу 14



Правдивая сказка

Нурадин ЮСУПОВ

Рис. А. БРЕЯ

Среди горбатых старых гор
Горбатый жил старик.
Угрюмый край был лыс и гол,
Как старика башлык.

Старик до солнышка вставал,
Глядел вокруг да охал,
Мешки-хурджуны доставал
И говорил со вздохом:

— Мой край, земля твоя пуста,
Ты беден, скуп и мрачен.
Прощай! Пойду искать места
Щедрее и богаче.

Чего ни повидал старик —
Поля, и луг, и сад,
Но так к горам своим привык,
Что к ночи шёл назад.

...Однажды старец услыхал
Сердитый голос гор:
— Зачем же бедность этих скал
Ты ставишь нам в укор?

Забыть не можешь Дагестан —
Тогда в его пустыни
Не приходи из дальних стран
С хурджунами пустыми.

Старик в затылке почесал,
Не вымолвил ни слова
И через горы да леса
Побрёл с рассветом снова.

На север горец путь держал.
И вот пришёл туда,
Где только снег кругом лежал
Седой, как борода.



Набив хурджуны, заспешил
К себе домой старик
И снежной шапкою укрыл
Вершины гор своих.

Потом цветов принёс для гор
Из Ферганы зелёной
И бросил радужный ковёр
На каменные склоны.

Хорош молдавский виноград!
Но разве он не может
Раскинуть сочный свой наряд
У горного подножья?

Из украинского зерна
Хлеба взошли стеною.
Дружна пшеничная волна
С каспийскою волною.

...Менялся край скалистых гряд,
Как человек хотел.
И сам хозяин, говорят,
С ним вместе молодел.

Вот он лежит, мой горный край!
Гляди, каким он стал!
Друг, где б ты ни жил, приезжай
В цветущий Дагестан!

Мы в гости ждём тебя, мой друг!
Увидишь наяву,
Как трудятся, не покладая рук,
В краю, где я живу.

И молодого старика
Из той правдивой сказки
Ты встретишь здесь наверняка
В кругу детей кавказских.

Среди садов, снегов, полей
Как дома будешь сразу,
Кусочек родины своей
Найдёшь в горах Кавказа.

Перевёл с лакского Я. АКИМ

Рассказ о четырёх



Е. СПЕРАНСКИЙ
Рис. О. ЗОТОВА



Красавцами их не назовёшь, зато они очень похожи друг на друга: все они глазастые, горластые, зубастые; у всех нос крючком, а на спине горб. Вот их имена: ПОЛИШИНЕЛЬ, ПОНЧ, ПЕТРУШКА, ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Вы заметили? Даже имена у них начинаются на одну и ту же букву, хотя они из разных стран: Полишинель — француз, Петрушка — русский, Понч — англичанин, Пульчинелла — итальянец.

Вы, может быть, спросите:

— Как же так? Из разных стран — и братья? Иностранцы — и так похожи?..

И я отвечу:

— Да, конечно, каждый из них — дитя своего народа. Но разве все народы не братья?

Итак, о четырёх братцах.

Однажды...

Э, нет, если я начну прямо с «однажды», вы ничего не поймёте. Прежде я должен рассказать о себе.

Я — актёр театра кукол.

Я стою за ширмой, руки кверху, на руках — куклы. Я двигаю куклами, говорю за них разными голосами. Рядом стоят мои товарищи — актёры, тоже с куклами на руках. Так мы играем спектакли, а зрители сидят в зрительном зале, смотрят и слушают.

Теперь вы догадываетесь, кто такие четыре братца: Полишинель, Петрушка, Понч, Пульчинелла? Они — куклы.

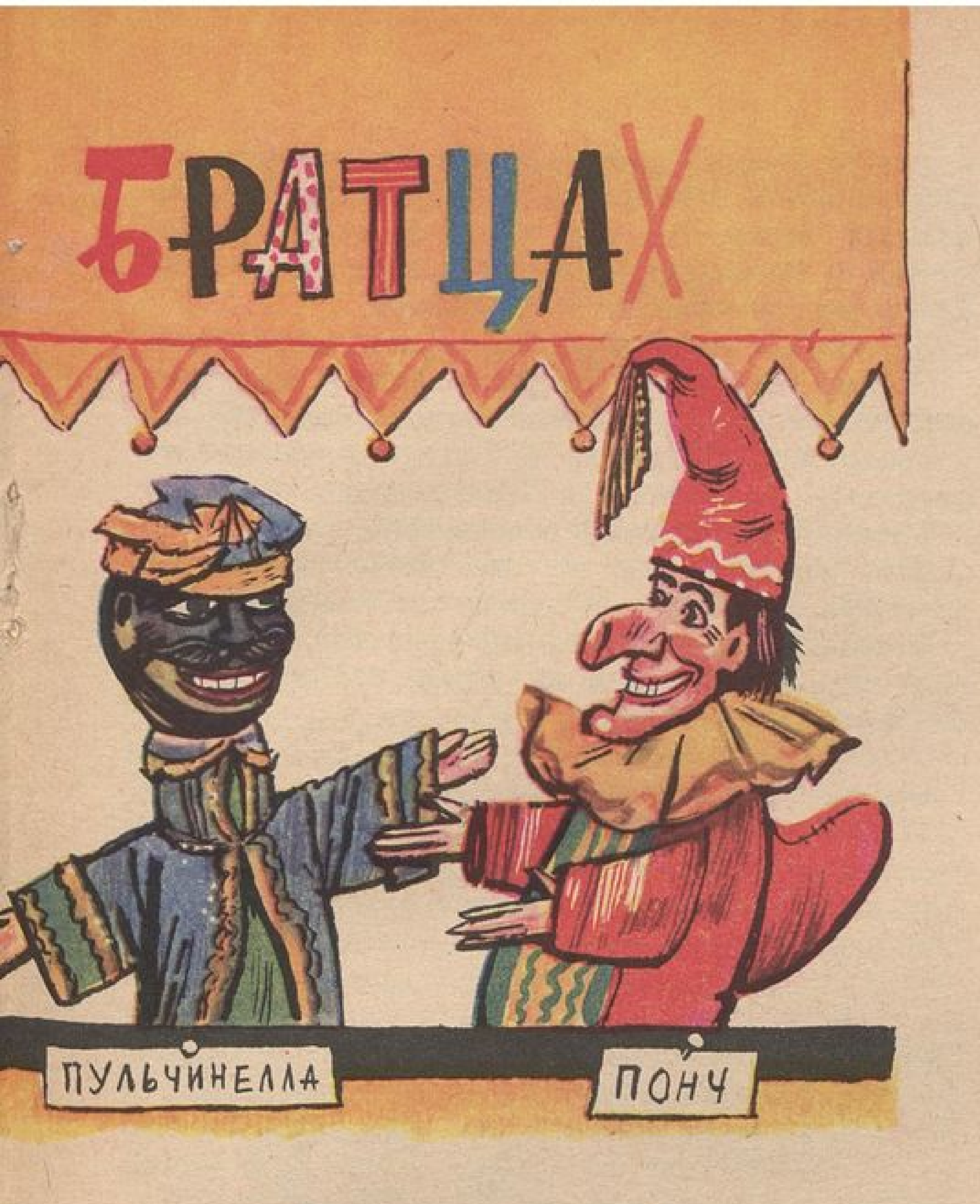
Да, все они герои народных кукольных театров. И находятся у нас, в музее театральных кукол.

Итак, однажды... Э, нет, опять я не могу начать с «однажды»: теперь я должен рассказать о музее. В нём собраны куклы со всех частей света. Куклы разных времён, разных народов, разных систем и разных размеров. Есть куклы, надевающиеся на руку; мы их называем именем одного из братцев — «петрушками». Другие управляются при помощи ниток; они называются «марионетками». Есть куклы-великаны: если вас поставить рядом с ними, вы будете смотреть на них снизу вверх — такие они большие. Это герои древних индийских сказаний «Рамайана». А одна кукла, китайский дракон, даже не влезла в музей: ей пришлось отвести целую стену в фойе театра. Есть куклы-крошки: например, вырезанные из дерева «каччони»; они стояли в вигвамах североамериканских индейцев и изображали «души предков».

Вот среди всех этих кукол и находятся наши четыре братца: Полишинель, Петрушка, Понч, Пульчинелла. Они висят в больших стеклянных шкафах-витринах, освещённые лампами дневного света.

Теперь я уже могу начать прямо со слова «однажды».

Однажды после спектакля я зашёл в наш музей. Зрители уже разошлись, а лампы дневного света ещё горели. Я люблю ходить в это время по музею. Здесь тогда тихо-тихо: отзвучали голоса актёров, аплодисменты, только где-то внизу глухо слышатся шаги пожарников. Это «дневной» пожарник сдаёт дежурство «ночному». А я хожу по музею и рассматриваю кукол. Множество кукольных рожиц — добрых и злых, красивых и безобразных, улыбающихся и хмурящихся — таращится на меня нарисованными глазами, глазами-пуговицами, глазами-камешками, глазами-гвоздиками, глазами-



дырочками. Так вот и в этот вечер я ходил по музею, как вдруг...

— Поди сюда! — прозвучало где-то сзади.

Я повернулся, но никого не увидел. Тогда я подошёл к шкафу, где помещался наш музейный Петрушка. Ничего особенного я в нём не заметил: как всегда, он висел на гвозде, в своём старом халате и колпаке, беспомощно свесив руки с деревянными ладошками, уронив голову на плечо, с застывшей улыбкой и смотрел на меня своими нарисованными глазами. И вдруг... Он подмигнул! Да, представьте, он подмигнул нарисованным глазом. Потом открыл рот, и я услышал:

— Открой шкаф!

Правда, это было сказано очень тихо: так мяукает голодный, замёрзший котёнок. Но это потому, что Петрушка был загорожен стеклом.

Я, конечно, не имел права открывать шкаф, это мог делать только директор музея, но я растерялся, я так растерялся, что открыл шкаф. Не успел я это сделать, как раздался звонкий пронзительный крик:

— Здорово, приятель!!!

И в тот же момент, сорвавшись с гвоздя, Петрушка перевернулся в воздухе и сел мне на руку.

— Тихо, ты! — Другой рукой я зажал ему рот.

Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь вошёл и услышал нас. А он уже устроился прочно у меня на руке — вернее, на трёх пальцах: на указательном — голова, а на большом и среднем — его руки с деревянными ладошками.

— Говори шёпотом, — сказал я, — а то опять в шкаф.

И он сказал низким, хриплым шёпотом:

— Неси меня к Полишинелю!

Да сказал это так повелительно, что я послушно побежал к витрине Полишинеля.

Мы приблизились к витрине французского театра кукол. И что же вы думаете? Полишинель тоже подмигнул! Подмигнул, и я услышал из-за стекла его голос: «Открой шкаф!» Я опять растерялся, открыл шкаф, и вот он, сорвавшись с гвоздя, уже сидит у меня на другой руке.

— Полишинель! — пронзительно закричал Петрушка.

— Мосье Петрушка! — закричал Полишинель. — Бонжур!

(Что значит по-французски «здравствуйте».)

Я почувствовал, как мои руки, словно два магнита, притянулись одна к другой, и два братца, сидящие на них, обнялись и поцеловались. Я уже не мог зажать им рот — сами понимаете, теперь обе мои руки были заняты, а только мог сказать им: «Тс-с-с!..» Но они поняли, подмигнули мне своими нарисованными глазами и сказали шёпотом:

— Неси нас к Пончу!

Я послушался и с вытянутыми руками, на которых сидели два братца, побежал к шкафу, где висел на гвозде англичанин Пончи.

Ну, разумеется, тут произошло то же самое. С той только разницей, что, когда Понч попросил открыть шкаф, я не мог этого сделать: ведь на обеих руках у меня сидело по братцу. Тогда сам Петрушка ухватился деревянными ладошками за ручку дверцы и открыл шкаф. И англичанин, конечно, моментально сорвался с гвоздя, но так как третьей руки у меня не было, он свалился прямо в объятия Петрушки, который закричал:

— Здорово, Понч!

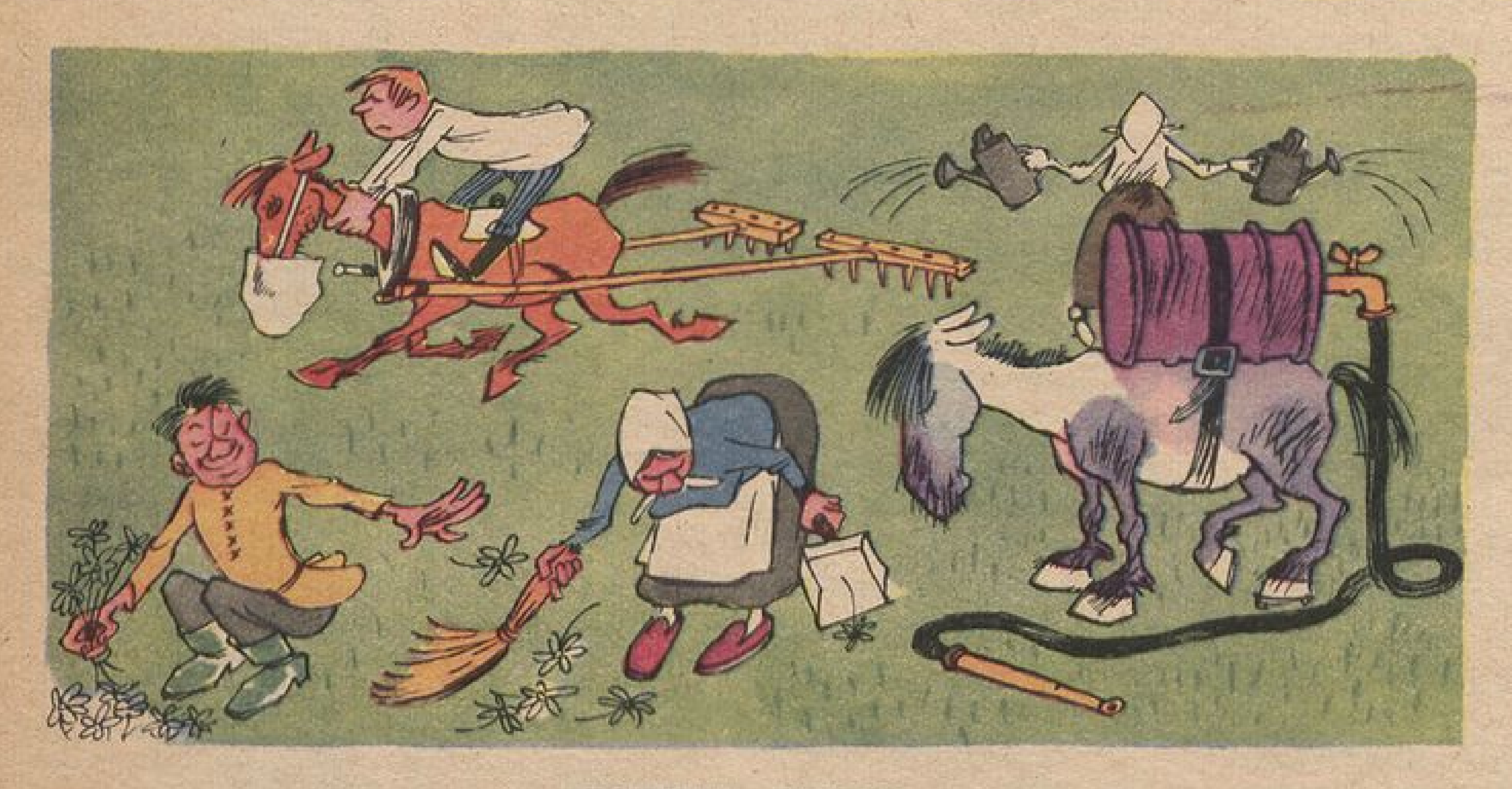
— Гуд ивнинг, олд мэн! — ответил Понч, что значит «добрый вечер, старина» по-английски.



После этого они все трое скомандовали:
— Неси нас к Пульчинелле!
И я побежал к витрине Пульчинеллы...
Итальянец Пульчинелла в синем тюрбане и чёрной маске таким же образом сорвался со своей вешалки и плюхнулся в объятия Полишинеля. И опять пошло:
— Бона сэра, синьоры!
— Здорово, Пульчинелла!
— Бонжур, Пульчинелла!
— Гуд ивнинг, Пульчинелла!
Кто из них что кричал, это уж вы разбирайтесь сами: скажу только, что на всех четырёх языках это значило «здравствуй».
К тому времени я уже совсем запарился, пот лил с меня градом, руки ныли: не забудьте, что я держал их всё время вытянутыми, а на них ещё держал по два братца. А уж когда они стали все четверо обниматься и целоваться, я так растерялся, что незаметно для себя сделал очень трудное физкультурное упражнение — не опуская рук, сел на пол посреди музея и прошипел:
— Да тихо вы, тихо!.. Чем кричать-то, лучше бы рассказали что-нибудь интересное.
Я сказал это просто так, чтобы их успокоить, но предложение им понравилось.
— Ладно, — сказал Петрушка.
— Сэ бон, — сказал Полишинель.
— Гуд, — сказал Понч.
— Бене, — сказал Пульчинелла.
Потом они помолчали, подумали, и вдруг все хором воскликнули:
— ОДНАЖДЫ!..
— Стойте, — перебил я, — разве можно рассказывать хором?!
И в этот момент я услышал шаги...
Это подходили пожарники; они шли, чтобы потушить лампы дневного света и повесить на дверях музея свинцовую пломбу: так делалось каждый вечер. Ну, тут уж я не стал церемониться с братцами, вскочил и со всех ног кинулся рассовывать их по шкафам.
На другой день директор музея жаловался:
— Как странно!.. Вчера я лично проверил все шкафы, и был полный порядок. А сегодня я обнаружил Петрушку в компании североамериканских «каччони», а Пульчинелла оказался в шкафу чехословацких марионеток.
Я-то сразу понял, в чём дело: впопыхах, рассовывая братцев, я перепутал шкафы.
Директор был мой старый приятель, но я ничего ему не сказал, я не выдал тайну четырёх братцев.

Вот что со мной случилось однажды...
И теперь я жду, когда я смогу опять пробраться к четырём братцам: Петрушке, Полишинелю, Пончу и Пульчинелле.
И что они мне расскажут?..





ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ



Правда, странные картинки? Вот что я придумал: сделайте рисунки сами, понастоящему и пришлите мне. Я их в журнале напечатаю.

ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ

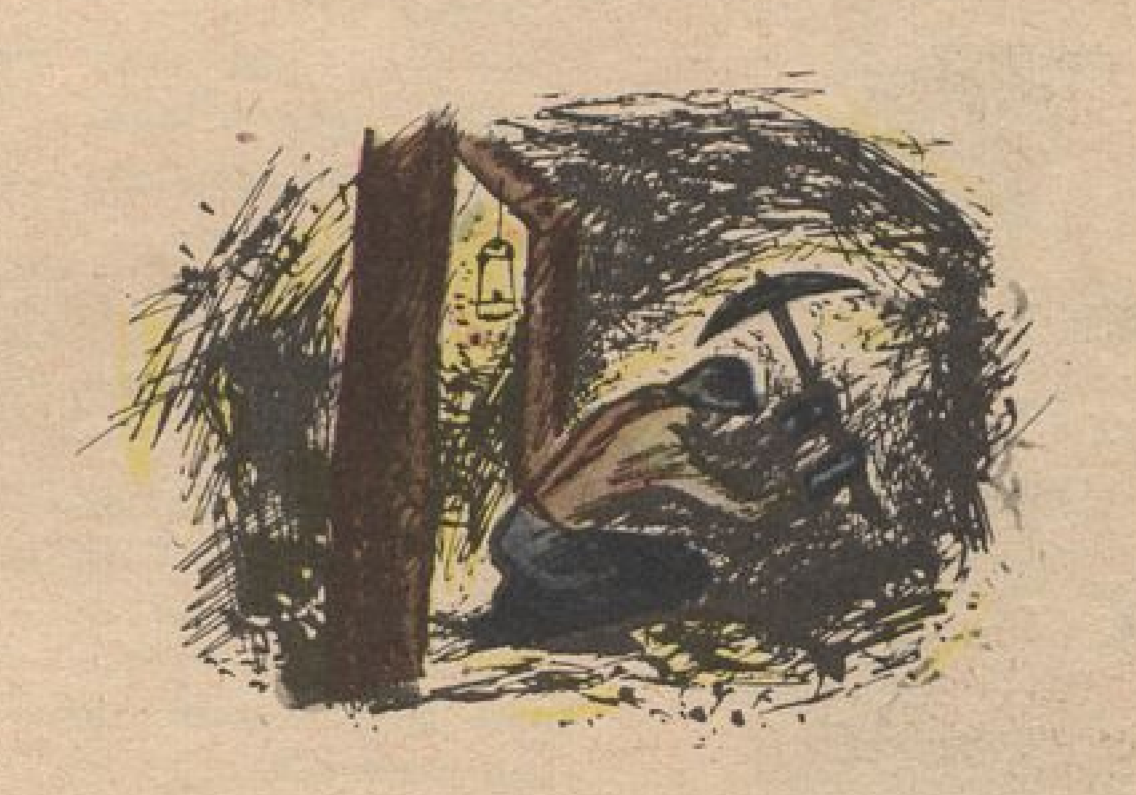
А. НЕКРАСОВ *Рис. Б. КЫШТЫМОВА*



Смолоду я плавал кочегаром на кораблях. Мне каждый день приходилось по нескольку тонн угля сжигать в топках, а как добывают уголь, я не знал. Слышал, конечно, а самому побывать в шахте не было случая.

И вот однажды зашёл наш пароход в Бельгию. Кочегарам на стоянке делать нечего. Мы целыми днями гуляли по берегу и забрели как-то в шахтёрский посёлок. Там маленькие домики стояли рядами, и тут же среди домиков высились шахтные копры — башни из железа с огромными колёсами на вершинах. С таких башен спускают под землю подъёмники — клети — на стальных канатах.

Мы и шахтёров там видели: как раз смена шла в шахту. Из домиков выходили люди и бесконечной вереницей, как муравьи, один за другим брели к копру и где-то там пропадали.



На другой день я опять пошёл туда и попросился посмотреть шахту. Мне разрешили. Дали зажжённую лампочку-коптилку и вместе с другими шахтёрами заперли в железную клеть. Тут же в клети стояли пустые вагонетки, а народу столько набилось, что стоять было тесно. Были здесь и старики, и молодые шахтёры, и совсем мальчишки лет по двенадцати. Один из них мне особенно запомнился. Он, должно быть, не выспался — то и дело тёр глаза кулаками и всё лицо вымазал угольной пылью.

Вдруг тревожным звоном зазвонил колокол, клеть дрогнула и провалилась куда-то вниз, в глубину земли, в страшную чёрную пустоту. Потом клеть остановилась, нас выпустили, и мы побрели по тёмным подземным коридорам.

Это давно было — лет тридцать назад, но я как сейчас помню штольни — узкие, тёмные норы, прорытые людьми глубоко под землёй. Помню капли воды, падавшие в страшной тишине, жалкий свет наших лампочек, душный воздух. Иногда навстречу мне попадались лошади, ослепшие от вечной темноты. Они там, в шахте, и жили — никогда не поднимались на землю.

Помню я и шахтёров — потные, полуобнажённые, чёрные от угля, где стоя, где лёжа, стальными кирками они разбивали угольный пласт. Другие наваливали уголь на вагонетки, а мальчишки-откатчики, согнувшись, чтобы не зацепить головой низкую кровлю, тоненькими грязными руками толкали тяжёлые тачки...

На другой день я встал на вахту, и каждый кусочек чёрного невзрачного угля показался мне драгоценным камнем. Столько тяжёлого труда, столько шахтёрского пота, столько шахтёрского горя виделось мне в каждом таком кусочке, что просто обидно было глядеть, как сгорает этот уголь в прожорливых пароходных топках.

Потом, много позже, я побывал на нашей советской шахте. Там, конечно, никаких детей не было, и взрослые работали под землёй только по шесть часов. И слепых лошадей я там не видал — уголь возили электровозы. И не ручными кирками дробили там уголь. Машины стальными зубцами вгрызались в пласт и огромными кусками «откусывали» твёрдый как камень уголь. А всё равно обидно было за шахтёров — отработал человек смену, вышел на поверхность усталый, грязный. А если весь уголь, который на его долю пришёлся, положить тут рядом с ним, получится небольшая грудка, высотой чуть побольше человеческого роста. И тогда, помнится, подумал я: «Неужели всегда такой ценой будут добывать уголь?»

А без угля не прожить человеку. Без угля остановятся поезда и заводы, электростанции и пароходы. Остынут без угля домны, нечем будет плавить металл... Не из чего будет делать капрон, не из чего будет делать краски, даже простые чернила, которыми ты пишешь, их ведь тоже делают из угля.

И вот совсем недавно пришлось мне побывать в Сибири, в верховьях реки Енисея. Там услышал я, что в Черногорске добывают уголь, и ре-



шил съездить туда ещё раз, посмотреть, как трудятся шахтёры.

Мы ехали на машине по степи, и я всё смотрел по сторонам, искал глазами шахтные копры.

Но сколько ни смотрел, нигде ни одного копра так и не увидел. Тогда я спросил у спутников:

— Далеко ещё ехать?

— Да уже приехали, — сказали мне и показали на длинную цепь горных хребтов, лежащую у нас на пути.

— А где же копры? — спросил я.

— А у нас нет копров, — сказали мне.

— А как же тут клети спускают?

— А у нас нет клетей.

— А как же в шахту попадают, как уголь поднимают?

— А у нас нет шахт.

— А уголь-то есть? — в шутку спросил я.

— А уголь есть, — сказали мне. — Вон, видите, наш уголёк!

Я посмотрел туда, куда мне показали, и увидел вереницу грузовиков, бегущих по степи.

Тут впереди где-то ухнул взрыв. Чёрное облако поднялось в небо и начало таять.

А потом наша машина нырнула в узкий проход между двумя горами и встала на тормозах на краю глубокой пропасти.

Я вышел и заглянул туда, в пропасть. Она была, как огромная ложка, километра в два длиной, чуть поменьше километра шириной. И там, на дне этой ложки, копошились машины. Они маленькими казались нам сверху; но когда я разглядел людей, то понял, какие громадные эти машины. У одного самосвала стоял человечек — он ниже колеса был ростом. А самосвалы казались малышками по сравнению с огромными экскаваторами, которых там, внизу, было без счёта. Были тут шагающие экскаваторы с длинными хоботами. Они далеко забрасывали стальные ящики величиной с маленький домик, волочили эти ящики по земле, гребли всё, что было на пути, и, высоко подняв ящик, опрокидывали его над вершиной небольшого холма. Там, на холме, стоял другой экскаватор, подхватывал с холма землю и передавал третьему. Третий ещё выше забрасывал. Они, как на ступеньках, стояли на склоне горы один над другим, и оттуда, из глубины, на самый верх переносили груз.

— Вот видите горы? — сказали мне. — Это всё мы насыпали. Тут ровная степь была.

— А зачем же вам эти горы? — удивился я.

— Нам-то они не нужны. Нам нужно было пласт открыть. Уголь-то под землёй. Вон там, видите, на дне? А это всё пустая порода, земля. Вон её сколько навалено...

Я опять глянул вниз. Там прямо по чёрному пласту угля ползали другие экскаваторы, поменьше ростом, с короткими стальными руками. И ковши у них были поменьше, чем у шагающих, но зато проворнее работали они: загребёт стальной пригоршней чёрный, раздробленный взрывом уголь, лихо развернётся на месте и валит в кузов двадцатипятитонного самосвала.

А самосвалы один за другим, как муравьи в дружном муравейнике, со степной дороги скатывались туда, в пропасть, становились возле экскаваторов и на глазах оседали под грузом.

Я по часам прикинул: минуты не прошло, как самосвал встал под погрузку. И вот он уже тронулся, гружённый доверху, и, отряхивая лишний уголь, побежал в гору, тяжело урча мотором. И тут же встал под погрузку другой самосвал, за ним третий...

Я стал считать людей там, на дне «ложки». Никого, кажется, не пропустил, а всё равно меньше полусотни оказалось. И тогда я спросил у инженера, который с нами был в тот раз:

— А если бы вручную, без машин, вскрывать этот пласт, лопатами да тачками, насыпать в степи эти горы? Сколько времени этим людям пришлось бы потратить?

— Вручную? — задумался инженер. — Вручную лет двести... Да нет, пожалуй, лет триста пришлось бы возиться. Да, знаете, — сказал он, подумав ещё. — Чего там считать на лопаты! Давайте лучше на новую технику пересчитаем. Нам скоро новые машины дадут, мощнее этих, тогда вскроем ещё разрез, лишний уголь добудем.

Мы постояли ещё, посмотрели на этих небывалых углекопов и поехали домой. Путь наш лежал через речку Абакан. Абакан — это значит «Медвежья кровь». Тут в старину и вправду много медведей водилось. Такая глушь была — настоящий медвежий угол. И вот на-ка: в медвежьем углу, в Сибири, куда при царе насильно ссылали людей, такие машины, такая техника!

Я записал в блокнотик всё, что видел, и мне даже немножко обидно стало. Когда я был молодым, не было у нас таких машин. А были бы — непременно пошёл бы работать на такой вот разрез, добывать драгоценный уголь. Уж очень дружно работали эти люди здесь, на угольной целине.

И это тоже уголь!



ЛОСЬ В ЧЕРТЕ ГОРОДА

(ИЗ КНИГИ РАССКАЗОВ «ЧИСТЫЕ ПРУДЫ»)

Юрий НАГИБИН *Рис. А. ЛИВАНОВА*

Мы шли в Сыромятники погонять в футбол: Агафонов, Ладейников и я. Был конец мая, но дни стояли сухие, жаркие, будто в разгаре лета, и молодые листья деревьев уже покрылись серой пылью. Только мы перешли Садовую, как сразу увидели его прямо посреди тихой, пустынной улицы, что ведёт к Сыромятникам. Большой, тёмный, горбоносый, он возник перед нами, как из сна, как из сказки.

— Лось!.. — обмирающим голосом произнёс Ладейников.

— Лось!.. Ёлки-моталки — лось!.. — счастливо заорал Агафонов.

Испуганный его криком, лось вскинул массивную голову и заскакал прочь.

С дикими криками мы бросились за лосем. Красный от натуги, Ладейников пронзительно свистел в два пальца. В руках у меня невесть как оказалась длинная палка. Агафонов на бегу выворотил из мостовой булыжник и метнул в лося.

Лось перепрыгнул через ограду маленького сквера и скрылся за кустами, затем он снова показался, преследуемый двумя собачонками. С бешеным лаем они кусали лося за задние ноги, и тот, обезумев от страха, кинулся на Садовую, в густоту машин, трамваев, автобусов. С визгом затормозил автобус, въехал на тротуар грузовик, чтобы избежать столкновения с серым стремительным телом. Звонки, гудки машин, крики людей вконец ошеломили лося: он помчался прямо посредине улицы, но навстречу ему полз, звеня, трамвай — огромное красное чудище. Лось прыгнул в сторону и вдруг оказался рядом с ломовой лошадью в надвинутой на глаза соломенной шляпе. Он замер, дрожа, и потянулся к лошади. В неумолимо жёстком, каменном и железном мире, душно воняющем бензином, гарью, асфальтом, нежданно повеяло на затравленного зверя близостью родственного, мягкого, шерстяного тела, запахом звериного пота. Но лошадь не признала своего в длинноногом горбоносом незнакомце. Она брезгливо мотнула головой в шляпе и, цокнув коваными копытами, рванула воз; тяжко ухнули пустые бочки, лось метнулся прочь, оставляя на пыльном асфальте влажную зубчатую строчку.

Мы едва не настигли его возле лошади, но сейчас он снова оказался намного впереди нас. Озираясь по сторонам, лось стоял у решётки, отделяющей улицу от глубокой балки, по дну которой среди камней, мусора и грязных водорослей тащила свои мутные воды Яуза. Мы боялись, что лось перепрыгнет через решётку и уйдёт. Но теперь в потеху включилось много народу. Камень, пущенный чьей-то меткой рукой из глубины балки, угодил лосю в бок, оторвал его от решётки и погнал прямо на нас.

Он мчался, кидая с губ пену, огромный, грузный, разъярённый, и мы в испуге шарахнулись в сторону.

И тут на нас обрушился белобрысый парень в тапках на босу ногу. Он ударил по затылку Ладейникова, вывернул кисть Агафонову, заставив его уронить на землю камень, выхватил у меня палку и переломил о колено.

— Живодёры! — обругал нас парень.

— Ты чего дерёшься? — запальчиво вскинулся Агафонов, наш школьный силач.

— Ещё не так тресну! — пообещал белобрысый. — Вы чего животное мучаете? — И, заметив у нас на рубашках пионерские значки, добавил: — Пионеры юные, головы чугунные!..

Мы молчали, пристыжённые.

— И взрослые туда же!.. — презрительно оглянулся белобрысый на других преследователей, которые как раз поравнялись с нами. — Стой! — гаркнул он. — Стой, не то ноги перебью!

Этот парень был властным и находчивым человеком. В одну минуту он превратил толпу бессмысленно возбуждённых людей в отряд загонщиков и ловцов. Часть отряда должна была преграждать лосю дорогу в город, другая — гнать его в сторону леса.

Но лось яростно сопротивлялся всем попыткам вернуть ему свободу. Только мы направим его на верный путь, вдруг сумасшедший скачок в сторону, взлёт над плетнём, ещё прыжок — и он мчится прочь от воли и леса, в городскую гущу.



Верно, жёсток был его копытцам булыжник переулков и дворов, страшен вид неведомых преград: заборов, стен, ворот, каменных тумб, фонарей; невыносим для нежного, тонкого слуха человеческий крик, трамвайный звон, скрежет и грохот движущегося железа. Но он с удивительной ловкостью проносил своё большое незащищённое тело среди всех опасностей, безошибочно находил просвет, чтобы промелькнуть в нём тёмной молнией. Не знаю, сколько времени длилась погоня. Мы с Агафоновым совсем сорвались с голоса, из-под замусоленных пальцев Ладейникова выходил не свист, какой-то жалкий писк, а лось снова оставил нас в дураках. Он стоял близ маленького домика, под кустом сирени, и ветви оглаживали взгорбок на его шее.

— Так не пойдёт! — отдуваясь, сказал белобрысый. — Надо его поймать, связать и отвезти за город.

Он поискал кого-то глазами.

— Серёнька, сбегай за верёвкой, — приказал он коротенькому пареньку в кепке со сломанным козырьком.

Серёнька метнулся в ближайший палисадник, и сушившееся на верёвке бельё шлёпнулось на землю; вслед за тем в руках белобрысого оказалась длинная верёвка. Он ловко запетлил конец, свернул верёвку кольцами и повесил на руку.

— Гоните его вон в тот проулок!

Снова свист, крики, вопли, снова сумасшедший бег. Вместе с лосем, слыша его хвойный запах и сиплое дыхание, я влетел в проулок. Белобрысый был начеку. Аркан просвистел в воздухе, и, хотя петля лишь скользнула по шее лося, он закинул голову, будто впрямь ощутил на горле захлёстку, колени его подломились, и он рухнул на землю, перекувырнулся через голову и замер. В одно мгновение мы были рядом. В большом, круглом, сумеречном зрачке лося я увидел отражённый мир: небо, дома, верхушки деревьев и своё искажённое выпуклостью глаза одутловато-овальное лицо. И вдруг отражение померкло, будто задёрнулось пыльной плёнкой.

— Держи!.. Не пускай!.. — кричал белобрысый.

Челюсти лося клацнули, оскалив пасть жёлтыми резцами, наружу вывалился кожаный сухой язык. И сразу на этот язык села изумрудная муха.

Подбежал белобрысый парень с розово-взмякшим от бега и волнения лицом.

— Чего это с ним? — проговорил он растерянно, нагнулся, тронул рукой мор-



ду лося, выпрямился и, будто ещё не веря: — Никак сдох?..

Никто не отозвался. Толпа вокруг павшего лося стремительно росла. Затем вперёд протиснулся седоватый человек в пальто с бархатным воротником и фетровой шляпе с загнутыми полями.

— Бедный лосёнок! — негромко сказал человек.

— Нешто это лосёнок? — усмешливо-сожалеюще проговорил кто-то из толпы. — Целый лосище!

— Нет, лосёнок, годовик...

И верно, сейчас, распростёртый на мостовой, лось вовсе не казался таким громадным — просто большой телёнок.

— Отчего же это он... а?.. — жалобно спросил белобрысый.

— Не выдержал преследования.

— Да мы его не преследовали!.. Хотели на волю выгнать, в лес.

— Молодые лоси не выносят насилия, — своим негромким отчётливым голосом сказал человек. — Их нельзя принуждать даже к воле. Лося надо было оставить в покое. Вечером, когда стихнут шум и движение, он и сам бы нашёл дорогу к лесу.

— Значит, это мы его убили? — шепнул я Ладейникову.

— Сам виноват, нечего было из лесу убегать, — пробормотал Ладейников.

Человек повернулся к нам.

— Разрешите вам объяснить, — сказал он так вежливо и серьёзно, словно обращался к взрослым. — Весной лосихи телятся. Они покидают своих годовалых лосят до осени, а сами скрываются в глухой чаще. Брошенные лосята ведут себя как дети, потерявшие в толпе мать, разве только не плачут. Они блуждают по лесу, заходят невесть куда и... — он бросил взгляд на лосёнка, — зачастую гибнут. — Затем другим, деловым голосом он сказал белобрысому парню: — Постойте тут, я позвоню, чтобы его забрали...

Мы долго не могли забыть о погибшем лосёнке. Покажись теперь лось вблизи наших Чистых прудов, мы уже знали бы, как поступить. Мы окружим его тишиной, остановив весь транспорт, и побьём каждого чистопрудного, который попробует заорать или засвистать в пальцы.

В газетах изредка мелькали сообщения о лосях, появившихся в черте города. Но видели сохатых или в Петровском парке, или в Черкизове, или возле Останкинского дворца. Верно, Чистые пруды находились слишком далеко от лесной воли, и лоси сюда ещё не забредали.



ПИОНЕРСКАЯ ДВУХЛЕТКА

2 октября 1960 года, в 10 часов утра, на всю страну пропел по радио пионерский горн, и сотни тысяч горнов откликнулись на его зов, сотни тысяч барабанщиков ударили в барабаны. Всюду пионерские дружины выстроились на торжественную линейку. Началась двухлетка юных ленинцев.

Сорок лет назад в этот день выступил перед комсомольцами на их большом собрании — III съезде — Владимир Ильич Ленин. Он говорил, что надо построить такую жизнь в Стране Советов, чтобы она была самой счастливой на земле. А для этого нужно не только упорно работать, но много-много учиться.

Вот почему начали пионеры свою двухлетку именно 2 октября, в этот памятный день, а закончат её к 19 мая 1962 года — к сорокалетию Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

Что же такое пионерская двухлетка?

За два года пионеры обещали собрать один миллион тонн металлического лома. Он нужен для строек семилетки, где трудятся комсомольцы, и для строительства большого нефтепровода Волга—Центральная Европа, который пройдёт из СССР в Польшу, Германскую Демократическую Республику, Чехословакию и Венгрию. Ещё пионеры вырастят 10 миллионов кроликов, 100 миллионов кур, уток и гусей, посадят виноградники, зелёные аллеи вдоль шоссейных дорог, а около школ — цветы. В каждой школе будут ленинские уголки. Дружины обещали построить свои спортивные площадки, создать свои театры, киностудии, хоры и оркестры, следить за чистотой на улицах и в школах, всем вместе писать пионерскую летопись — книгу о том, как пионеры помогают старшим в их делах.

Вместе с пионерами в двухлетке участвуют тысячи октябрятских звёздочек.

...Ребята, сообщаем вам, что мы построили теплицу. В трескучие сибирские морозы у нас в школе созревают овощи. Может, поспеют и ягоды!

Пионеры из 14-й школы города Сатки Челябинской области

...Наш край — целинный, а колхоз — один из лучших в районе и носит имя великого Ленина. Большой урожай был в этом году, и мы, пионеры, конечно, помогали нашим папам и мамам убирать зерно, картофель. Колхоз построил для нас новую школу. Весной мы посадим вокруг школы сад.

Совет дружины из школы села Железного Пресновского района Северо-Казахстанской области



«ДОМ СТРОИТСЯ». Рисунок Жени Шевченко, 8 лет, г. Ревда Свердловской области.



На металлургический завод прибыл целый эшелон, наполненный металлическим ломом. Его собрали для нефтепровода «Дружба» пионеры нашего города. Лом уже переплавлен, и из нового металла делают большие трубы, по которым потечёт нефть.

Штаб юных пионеров города Сталино Украинской ССР

Дорогой Мурзилка!

Я хочу рассказать ребятам о моём сыне Кутье Геннадии. Гена учится во 2-м классе Зерендинской школы. Учится он хорошо. И в домашних делах нам с отцом он много помогает. Ухаживает за маленьким братишкой, отводит его в ясли. К нашему приходу Гена заготовит дрова для печки, почистит картофель.

Я рада, что сын наш растёт таким внимательным к семье и трудолюбивым.

Мать Гены



«ПОГРАНИЧНИКИ ЛОВЯТ ШПИОНОВ». Рисунок Саши Каширского, 8 лет, Москва.

ЭТО КЛИНСКИЕ ОКТЯБРЯТА

Они пришли на экскурсию в Дом-музей П. И. Чайковского.

Серый двухэтажный особняк за этими воротами известен всему миру. Здесь жил и писал музыку великий композитор.

Вожатая Валя Ефименко рассказывает ребятам о Петре Ильиче, показывает старую калитку, из которой он каждый день выходил на прогулку.





Среди тех, кто слушает её, многие учатся в двух школах сразу: в средней школе № 2 города Клина и в детской музыкальной школе имени П. И. Чайковского.

Пионеры 2-й школы участвуют в пионерской двухлетке Выполнять обязательства им помогают октябрята.

На другом снимке вы видите Лену Рылкову и Колю Жукова из 3-го «А». Они очищают семена липы. Школьники обязались сдать в лесхоз десять килограммов семян деревьев. Сейчас собрано уже больше пяти. Половину собрали октябрята.



В ПЛЕНУ У ЧЕРНОБОРОДОГО

А. ТУЛЬСКИЙ, А. ШКРАБОВ *Рис. А. КАНЕВСКОГО*

Павлику Перепёлкину снился страшный сон. Ему снилось, что он стоит на палубе старинного корабля — галеры... Над головой у него огромным полотнищем раздувался белоснежный парус, на котором алой краской нарисован коршун, несущий в когтях чёрную стрелу.

Безжалостное, раскалённое добела солнце палит нестерпимо. Горячие доски палубы обжигают босые ноги Павлика. Громадные зелёные волны океана раскачивают стройный корабль.

Павлик огляделся вокруг.

На корме, убранной богатыми коврами, возвышался помост, на нём — пышное ложе... На ложе — человек с длинной чёрной бородой. Золотая цепь спускалась с его шеи.

Два темнокожих юноши обмахивали Чернобородого опахалами из страусовых перьев.

За спиной Павлика раздался свист бича... Павлик обернулся и увидел чёрные, мокрые от пота спины гребцов. Гребцы были прикованы к борту корабля железными цепями. Бич, который держал в руках огромный, огненно-рыжий надсмотрщик, то и дело опускался на спины гребцов, оставляя на них багровые полосы...

— Нечестивец Перепёлкин, — загремел Чернобородый, — ты долго будешь пялить глаза по сторонам? Подай мне сандалии.

Капли холодного пота выступили на лбу у Павлика: «Что же это?.. Я, кажется, раб?»

— Ты будешь шевелиться, или ты хочешь отведать бича?

Павлик опрометью бросился за сандалиями.

— Теперь подай мне кофе.

Павлик подал чашку.

— Что ты мне даёшь?.. Я не буду пить эту гадость, она с пенками. Какие яства ты приготовил мне на завтрак, о жалкий раб?! Если ты сегодня будешь опять кормить меня котлетами с макаронами, я отдам тебя на съедение акулам.

Павлик уже почувствовал себя в пасти акулы, но вовремя вспомнил, что у него в кармане лежит завтрак, который ему дала в школу бабушка. Он вынул свёрток и робко протянул Чернобородому.

— О-о-о... Слава всевышнему!.. Здесь любительская колбаса, яблоко и два «золотых ключика»? Благодари свою бабушку, Перепёлкин. Если б не эти два «золотых ключика», быть тебе повешенным на рее корабля. Но я милостив: я дарую тебе жизнь. А сейчас иди и вычисти мой халат.

Павлик чистил халат, и горькие слёзы текли из его глаз.

— Какой халат ты чистишь? — услышал Павлик рёв Чернобородого, и на его плечи опустился бич.

Павлик проснулся...

«Зря я не дал ему сдачи, — подумал он. — Ишь какой... То ему подай, это сделай. Эксплуататор!..»

— Бабушка, у меня пуговица оторвалась, пришей!

Павлик потянулся, зевнул и, взяв полотенце, пошёл умываться. Сон не выходил у него из головы. «Были ведь вот такие тираны. Это им подай, накорми, напои, а сами ничего не делали. Если б не сон, я ему показал бы, где раки зимуют... Я взбунтовал бы рабов, поднял бы восстание и сверг бы этого угнетателя».

За завтраком Павлик был рассеянным и без всякого аппетита жевал бутерброды, которые ему подкладывали мама и бабушка.

— Мама, ты собрала мне книги? Я из-за тебя могу в школу опоздать.

— Да что ты, Павлик, до школы ещё сорок минут, — сказала мама.

Взяв портфель, Павлик не спеша вышел на улицу. «Ну и кораблик у этого Чернобородого, а главное — никуда не убежишь: кругом море. Да и жарища страшная. Всё-таки хорошо, что сейчас зима. Ох, а лыжи?» И тут он вспомнил, что сегодня класс идёт на лыжную прогулку. Павлик поднялся по лестнице и позвонил.

Дверь открыла Таня, его младшая сестра.

— Танька, ты смазала мои лыжи мазью? Нет? Что ж, мне самому мазать? Эх, сейчас бы надсмотрщика сюда! Он бы тебе влепил...

— Какого ещё надсмотрщика? — удивилась Таня.

— Рыжего, которого я во сне видел. Он был главным у Чернобородого. А Чернобородый...

И Павлик с увлечением начал рассказывать о своём сне. Особенно досталось Чернобородому.

— Да, — закончил Павлик, — такой эксплуататор только во сне может присниться. Ну, я пошёл... Смотри, приду, чтобы лыжи были смазаны, а то...

— Намажу, Чернобородый, — прошептала Таня себе под нос.

Здравствуй, друг!

Поздравь меня! В январе был день моего рождения. И я получил в подарок часы. Их преподнёс мне один учёный человек. Он сказал:

— Мурзилка, ты вечно торопишься и ничего не успеваешь сделать. Так не годится! Возьми эти часы. Они волшебные. Смотри на них почаще.

Уже целый месяц я живу по этим часам. И представьте! Я теперь всюду успеваю. И так мне стало удобно и легко, что я решил подарить часы тебе, дорогой читатель. Переверни страницу. Вот они, волшебные часы. Сбоку стрелки. Их надо вырезать и укрепить в центре. Внизу под циферблатом картинки. Всё волшебство в них. Вырежь их аккуратно и вставь в прорезы на циферблате. А как вставить? Очень просто. Что ты делаешь, например, в одиннадцать часов? Сидишь на уроке. Найди такую картинку и вставь её против одиннадцати. А в пять часов? Гуляешь. Соответствующую картинку поставь против пяти. Если не будет нужных картинок, нарисуй их сам.

Теперь твои часы показывают не только время, но и режим дня. Если ты будешь соблюдать режим, как я соблюдаю, ты и уроки вовремя сделаешь и погулять успеешь.

Посмотри на часы перед тем, как уснуть. Ты увидишь, что день не прошёл зря — вон сколько ты успел сделать!

МУРЗИЛКА

На обложке рисунок М. УСПЕНСКОЙ, на четвёртой странице обложки рисунок В. ПЕРЦОВА, И. ПЯТКИНА

Худож. редактор **Ю. Молоканов.** Техн. редактор **Л. Кириллина.** Год издания тридцать седьмой. Цена 10 коп. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Подп. к печати 30/XII 1960 г. Бумага $60 \times 92^1/_8$. Печ. л. 3 (3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 2466.
Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21. Телефон: Д 0-45-08.


1+2=
МУРЗИЛКИНЫ
ЧАСЫ
САМОДЕЛКА